

TRILINGUAL ANALYSIS OF THE NUMBER CATEGORY: IDENTIFICATION OF INTERFERENCE ZONES IN THE PERSPECTIVE OF THE DEVELOPMENT OF INTEGRATED LESSONS IN ARMENIAN, RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

ТРИЛИНГВАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗОН ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РАКУРСЕ РАЗРАБОТКИ ИНТЕГРИРОВАННЫХ УРОКОВ АРМЯНСКОГО, РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Inna R. Sargsyan

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor V.Y. Bryusov State University,
Tumanyan str. 42, Yerevan, 0002, RA
Russian-Armenian University (RAU)
Hovsep Emin Str. 123, Yerevan, 0051, Armenia,
+374 93635343, innasargsyan@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4377-1601>

Abstract. In the early 80s, contrastive and comparative typological studies ceased to be limited only to the goals of language teaching, trying to penetrate into the essence of language processes and better understand the zones governing these processes, showing a strong tendency to acquire an independent status of linguistics. The tendencies of defining both the theoretical basis and specific research methods in this field were outlined, as well as the desire for deeper insight into the nature of linguistic phenomena at different linguistic levels, considered in a comparative analysis with linguistic phenomena of other languages (related, unrelated). However, all theoretical studies of a contrastive nature were more or less directly related to the methodology of teaching foreign languages. In the above-mentioned perspective, we conducted a comparative typological study of the category of numbers in the Armenian, Russian and English languages in order to determine interference and transposition zones at the scientific level in the organization of integrated lessons of the Armenian, Russian and English languages. The appeal to this grammatical category is due to the fact that it is one of the most common. In certain languages, the opposition of the corresponding grammatical numbers is usually represented by some synthetic means (for example, in Armenian, English), although sometimes the number is expressed not in the noun itself, but directly in the agreed word (for example, in French) or not only in the noun, but also in the agreed word (for example, in Russian). The ways of expressing a number are determined by the peculiarities of the language type; at the same time, both mandatory and optional number expressions are observed. In the languages under consideration (Armenian, English, Russian,) the grammatical category of a number has two grammemes: singular and plural. Despite the simplicity of this obvious binary opposition, specific features in these languages are highlighted, which are discussed in detail in the article. The trilingual typological study made it possible to determine interference and transposition zones at the scientific level, which will serve as a methodological basis for organizing integrated lessons in Armenian, Russian and English languages.

Keywords: comparative typological analysis of linguistic material, category of language, trilingual analysis, Armenian, English, Russian, similarities and differences.

Инна Робертовна Саркисян
Доктор педагогических наук,
профессор Государственный университет им. В.Я. Брюсова
0002, РА, Ереван, ул. Туманяна 42
Российско-Армянский университет (РАУ)
0051, РА, Ереван, ул. Овсепа Эмина 123
+374 93635343, innasargsyan@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4377-1601>

Аннотация. В начале 80-х годов контрастивные и сопоставительно-типологические исследования перестали ограничиваться только целями преподавания языков, пытались проникнуть в суть языковых процессов и глубже понять зоны, управляющие этими процессами, проявляя сильную тенденцию к приобретению самостоятельного статуса языкознания. Были намечены тенденции определения как теоретической основы, так и специфических методов исследований в данной области, а также стремление к более глубокому проникновению в природу лингвистических явлений на разных языковых уровнях, рассмотренных в сопоставительном анализе с лингвистическими явлениями других языков (родственных, неродственных). Однако все теоретические исследования контрастивного характера в той или иной мере имели непосредственное отношение к методике преподавания иностранных языков. В вышеотмеченном ракурсе нами проведено сопоставительно-типологическое исследование категории числа в армянском, русском и английском языках с целью на научном уровне определить интерференционные и транспозиционные зоны при организации интегрированных уроков армянского, русского и английского языков. Обращение к данной грамматической категории обусловлено тем, что она является одной из самых распространенных. В определенных языках оппозиция соответствующих граммем числа обычно представлено какими-нибудь *синтетическими средствами* (н-р, в армянском, английском), хотя иногда число выражено не в самом существительном, а непосредственно в согласуемом слове (н-р, во французском языке) или не только в существительном, но и в согласуемом слове (н-р, в русском языке).

Способы выражения числа определяются *особенностями языкового типа*; при этом наблюдается как *обязательное*, так и *факультативное* выражение числа. В рассматриваемых языках (*армянский, английский, русский*,) грамматическая категория числа имеет две грамлемы: *единственное* и *множественное* число. При всей простоте этого очевидного бинарного противопоставления в данных языках выделяется специфические особенности, подробно рассмотренные в статье. Проведенное трилингвальное типологическое исследование дало возможность на научном уровне определить интерференционные и транспозиционные зоны, что послужит методической основой при организации интегрированных уроков армянского, русского и английского языков.

Ключевые слова: сопоставительно-типологический анализ языкового материала, категория числе, трилингвальный анализ, армянский, английский, русский, сходства и различия.

Введение. На заре возникновения и развития сопоставительной/контрастивной лингвистики как самостоятельной науки (начало 60-х годов прошлого столетия) основные ее цели связывались непосредственно с обучением иностранным языкам (Э. Косериу, И.М. Соловьева и др.). Как справедливо отмечал Д. Болинджер в предисловии к книге Ди Пьетро, «*Языковые структуры в их контрастивном описании*», сопоставительная типология языков родилась из опыта преподавания. Ведь представляется очевидным, что родной язык практически всегда оказывает в большинстве случаев негативное воздействие при усвоении иностранного языка. Запас преподавательских ухищрений сводится главным образом к преодолению таких помех (Di Pietro, 1971: 3). Большое значение сопоставительно-

типологическому (или контрастивному) изучению языков придавал Л.В. Щерба, считающий подобные исследования важными не только для усвоения иностранного языка, но и для улучшения понимания особенностей родного языка и проникновения в суть его структур (Щерба, 1947: 96).

Однако уже в начале 80-х годов контрастивные и сопоставительно-типологические исследования перестали ограничиваться только целями преподавания языков, пытаясь проникнуть в суть языковых процессов и глубже понять зоны, управляющие этими процессами, проявляя сильную тенденцию к приобретению самостоятельного статуса языкознания, чему во многом способствовали труды В.Н. Ярцевой (Ярцева, 1975; Ярцева, 1981; Ярцева, 1988). Таким образом, были намечены тенденции определения как теоретической основы, так и специфических методов исследований в данной области, а также стремление к более глубокому проникновению в природу лингвистических явлений на разных языковых уровнях, рассмотренных в сопоставительном анализе с лингвистическими явлениями других языков (родственных, неродственных). Однако все теоретические исследования контрастивного характера опять-таки в той или иной мере имели непосредственное отношение к методике преподавания иностранных языков (Саркисян 2004: 72-73; Саркисян, 2007а: 280-281; Саркисян, 2007б: 141-142).

Итак, постепенно контрастивная лингвистика превратилась в науку, в которой совершенно очевидно пересекаются пути теории и практики. При этом нельзя не согласиться с мнением Г. Никкеля, когда он утверждает, что контрастивная лингвистика не зависит от какой-либо особой модели описания языка; что касается моделей, то контрастивная лингвистика просто требует унифицированной манеры сравнения (Nickel, 1971: 1-16). Как отмечает В.Н. Ярцева, в практике контрастивных исследований обычно либо рассматривают набор сходных форм в двух языках и затем определяют круг выражаемых ими значений, либо, беря априорно какую-нибудь категорию, выясняют типы ее передачи в двух языках (Ярцева, 1981: 5).

Методы. В вышеотмеченном ракурсе нами проведено сопоставительно-типологическое исследование категории числа в армянском, русском и английском языках с целью определения зон интерференции и транспозиции. Исследование проведено в аспекте дальнейшей разработки интегрированных уроков армянского, русского и английского языков.

Ход исследования и результаты по каждому разделу. Обращение к данной грамматической категории обусловлено тем, что она является одной из самых распространенных в цивилизованных языках – одна из самых распространенных категорий. В определенных языках оппозиция соответствующих граммем числа обычно представлено какими-нибудь *синтетическими средствами* (н-р, в армянском, английском), хотя иногда число выражено не в самом существительном, а непосредственно в согласуемом слове (н-р, во французском языке) или не только в существительном, но и в согласуемом слове (н-р, в русском языке).

Одна из самых простых, а также наиболее частотных структур категории числа – бинарная (противопоставление единичности и множественности). Но есть системы, содержащие также двойственное (изредка тройственное, четверное) число. С точки зрения реальной оппозиции одушевленных и неодушевленных предметов по единичности / неединичности, имена существительные могут быть сгруппированы на счетные и несчетные.

Способы выражения числа определяются *особенностями языкового типа*; при этом наблюдается как *обязательное*, так и *факультативное* выражение числа.

В рассматриваемых языках (*армянский, английский, русский*,) грамматическая категория числа имеет две грамлемы: *единственное* и *множественное* число. При всей простоте этого очевидного противопоставления в данных языках выделяется некоторая специфическая особенность – обозначение предмета вообще: в этом случае конкурируют обе формы. Например: *Самый большой слон обитает в Африке*. Альтернативное предложение: *Самые большие слоны обитают в Африке*. Идентичные пары предложений можно составить и в армянском (*Ավելիամեծ փղերը բնակվում է Աֆրիկայում: – Ավելիամեծ փղերը բնակվում են Աֆրիկայում:*), и в английском (*The biggest elephant lives in Africa. – The biggest elephants live in Africa.*) языках.

В русском языке семы единичности представлены соответствующими морфемами: для существительных мужского рода - -й (*соловей, май, алюминий*); для существительных женского рода - -а / -я (*ручка, агрессия, аллея*); для существительных среднего рода - -о / -е, -мя (*озеро, тюре, время*), а также *нулевыми* морфемами (для большинства существительных мужского рода): *сад, кабинет, стул*; для некоторых существительных женского рода: *тень, лень*. Семы единичности в русском языке могут быть представлены в морфемах *надежных словоформ*. Ср.: *книгой- книгами*.

В отличие от русского языка, типологической особенностью семы единичности в армянском языке является *нулевая* морфема: *սեղան, գիրք, քիշիկ, փնտխ, գրիչ*. Идентичная типологическая картина наблюдается и в английском языке, где также отсутствуют материально выраженные морфемы единичности: *cat, table, book, student, friend, pencil, flower*.

Граммема множественного числа в рассматриваемых языках отчетливо выражена *семой множественности*. Оппозиция единственного и множественного чисел в русском языке, в целом, представлена весьма формально, а именно: в большинстве случаев в оппозиции находятся непосредственно системы окончаний. Так, сема множественности представлена морфемами *-ы / -и* для существительных женского и мужского (проекты, столы, книги, внуки, доски); морфемой *-а* для существительных мужского и среднего рода (*господ`а, провод`а, окна, озера*) и др. Следует отметить также типологическую *многозначность* отмеченных морфем, поскольку они одновременно отражают также *семы предметности, надежда и рода*.

Оговорим, что в русском языке проиллюстрированными фактами выражение числовой оппозиции отнюдь не исчерпывается. Так, у счетных имен существительных наблюдаются далеко не частотные супплетивные формы образования множественного числа: человек – люди, ребенок – дети. Заметим, что в данном случае имеет место очевидное несовпадение основ. Более того, в системе русского языка наличествуют случаи, когда в бинарной оппозиции многозначной лексической единице существительного в единственном числе могут соответствовать определенные лексические единицы во множественном числе. Здесь происходит фиксация части значений лексемы единственного числа за лексемами во множественном числе: *зуб – зубы / зубья, лист – листья / листья и т. д.*

Следует отметить, что формальные отличия в оппозиции по числу непосредственно могут быть отражены и на грамматической основе существительных. При этом в процессе формирования семы множественности в грамматическом ракурсе наблюдается несколько форм изменения основ существительного: а) чередование по твердости / мягкости (*сосед – соседи*); б) качество конечного согласного основы существительных единственного и множественного числа могут отличаться друг от друга (*ухо – уши*); в) не менее частотны чередования типа, как *хозяин – хозяйва, козленок – козлята*. Множественное число существительных может образовываться также в результате наращения на основу существительного в единственном числе (*стул – стулья, брат – братья*). Следует также отметить вариант, когда основа множественного числа образуется в результате усечения основы единственного числа существительного: *господин – господа, боярин – бояре, цветок – цветы, армянин – армяне, дворянин – дворяне*. Двойное изменение – наращивание и чередование – наблюдается в соотносительных парах существительных типа *клок – клочья, друг – друзья, звено – звенья, сук – сучья, брат - братья*

Таким образом, совершенно очевидно, что в русском языке нет универсального правила образования множественного числа имен существительных, что является причиной возникновения зоны интерференции, поскольку в армянском и английском языках наблюдается иная типологическая картина.

В отличие от русского языка, в армянском языке сема множественности представлена только двумя *постпозитивными морфемами* (*-եր* и *-ներ*), присоединяемыми соответственно к односложным (*երգ – երգեր, փրջ – փրջեր, դեր – դերեր*) и многосложным (*ազգիկ – ազգիկներ, երեխա – երեխաներ, գրիչ – գրիչներ*) существительным. Исключения составляют слова, которые в *грабаре* (древнеармянском языке) являлись многосложными лексическими единицами (*սուկ / սուկն – в грабаре! – սկներ; ձուկ / ձուկն – в грабаре / – ձկներ*).

В отличие от морфем множественного числа русского языка, данные постпозитивные морфемы (-եր, -ներ) не содержат в себе *сема падежа*, что объясняется *агглютинативным характером* армянского языка.

Таким образом, в армянском языке сема падежа, выражаемая соответствующими морфемами, *примыкает* к формам единственного или множественного числа существительного.

Иная картина наблюдается в английском языке, где сема множественности представлена морфемами числа **-s [-s] / [-z]**, **es [-iz]**, прибавляемыми в *постпозиции* к существительным в единственном числе (*book – books, hand – hands, class – classes, box – boxes, city – cities, tomato – tomatoes*).

В очень ограниченных случаях сема множественности передается чередованием корневых гласных (*man – men, goose – geese, foot – feet, mouse – mice*) или супплетивными формами: *child – children, ox – oxen*.

Некоторые имена существительные, заимствованные английским языком из латинского и греческого, сохранили форму множественного числа языков-доноров: *datum – data, addendum – addenda, erratum – errata, memorandum – memoranda, phenomenon – phenomena, basis – bases, crisis – crises*.

Небольшое количество существительных английского языка имеет идентичную форму как для единственного, так и для множественного числа: *sheep, fish*. Подобное явление с незначительным процентом частотности наблюдается и в русском языке. Ср., *такси, пальто, кенгуру* и т.д. Заметим, что для армянского языка подобное явление нехарактерно.

Встречаются существительные, имеющие форму множественного числа, но употребляемые в значении: а) единственного числа (*news*); б) как множественного, так и единственного числа (*works, means*).

Указанные последние четыре способа образования множественного числа в английском языке не могут считаться типологическими, поскольку не являются регулярными в системе рассматриваемого языка.

Сопоставительный анализ трех языков позволил выявить, что семантика числа в данных языковых системах практически идентична и имеет различные значения. Для единственного числа в исследуемых языках можно выделить *три семантических типа*:

- **единичность** (основное значение: *стол – սեղան – table*);
- **общность** (ср.: *Кенгуру обитает в Австралии. – Ազիվազը բնակվում է Ավստրալիայում: – Kangaroo lives in Australia.*);
- **внепарность по числу** – (**singularia tantum**: *дружба – բնկերություն – friendship*).

В категории числа собственно грамматические моменты тесно переплетаются с лексическими, поэтому эту категорию можно считать *лексико-грамматической*. Переплетение лексики и грамматики проявляется прежде всего в том, что не все существительные могут иметь обе формы числа. Семантика отдельных существительных не допускает счета, значит, у них противопоставление единственного и множественного числа лишено смысла, то есть *семантически нейтрализовано*. Подобные существительные имеют либо единственное число (существительные группы **singularia tantum**), либо множественное число (существительные группы **pluralia tantum**).

Особо следует остановиться на группе существительных **singularia tantum**, поскольку лексические единицы, ее составляющие, в трех языках оказываются практически эквивалентными и могут образовать *зону транспозиции*.

Для множественного числа в трех языках выделяются *пять семантических типов* (последний не характерен для армянского языка):

- **дискретное множественное число** (основное значение: *столы – սեղաններ – tables*);
- **собирательное множественное число** (*враги, друзья – թշնամիներ, բնկերներ – enemies, friends*);
- **репрезентативное множественное** (*Гринзы, Арутюняны, Петровы –*

Գրինգները, Հարությունյանները, Պետրովները – *the Greens, the Harutyunyan, the Petrovs*). Следует отметить, что для данного семантического типа характерно употребление существительных армянского и английского языков в большинстве случаев с определительным (соответственно - *постпозитивным, препозитивным*) артиклем;

➤ **множественное число величия, вежливости** (*мы* – в документах, вежливое *Вы* – *վե՛նք, Դուք* – *we, You* и т. д.);

➤ **внепарность по числу** – (*pluralia tantum*: *брюки* – *trousers, весы* – *scales, щипцы* – *tongs, ножницы* – *scissors, очки* – *spectacles* и т. д.).

Семантический тип *pluralia tantum* характерен для русского и английского языков. Так, в обоих языках словарные единицы, составляющие группу существительных *pluralia tantum*, в большинстве случаев, совпадают, хотя наблюдаются и некоторые несоответствия: *товар* / *товары* – *goods, выручка* / *выручки* – *proceeds, зарплата* / *зарплаты* – *wages, богатство* / *богатства* – *riches, одежда* / *singularia tantum* / *clothes*. В английском языке существует группа слов, утративших сему множественности, но сохранивших ее грамматическую форму. Ср.: *казарма* / *казармы* – *barraks, новость* / *новости* – *news, завод* / *заводы* – *works*.

Несмотря на отмеченные несоответствия, можно констатировать, что в русском и английском языках семантический тип *pluralia tantum* обладает регулярностью, чего нельзя сказать об армянском языке. Все существительные группы *pluralia tantum* русского и английского языков в армянском языке представлены бинарными оппозициями единичности и множественности: *брюки* – *trousers* – *ւտրաւ / ւտրաւներ*, *весы* – *scales* – *կշէրք / կշէրքներ*, *ножницы* – *scissors* – *վճրաւ / վճրաւներ* и т. д.

Исключением оказалось одно слово, совпадающее в русском и армянском языках по внепарности по числу: *джунгли* – *ջոնգլիներ*. В английском языке данное слово (*gangle*) принадлежит к группе *singularia tantum*.

Для полной сопоставительно-типологической трилингвальной характеристики категории числа необходимо выяснить место, занимаемое этой категорией в системе русского, армянского и английского языков.

Обращаясь к русскому языку, легко отметить характерную типологическую особенность – **согласование в числе** (и не только в числе) у прилагательных, местоимений, глаголов, порядковых числительных.

Для армянского и английского языка согласование прилагательного с существительным в числе типологически нехарактерно. Сравним: *красная роза* – *красные розы, способный студент* – *способные студенты*. В армянском и английском языках прилагательное *примыкает* к существительному, не принимая форму множественного числа: *կարմիր վարդ* – *կարմիր վարդեր, բարձրահասակ տղա* – *բարձրահասակ տղաներ; red rose* – *red roses; tall boy* – *tall boys*. Однако в данных языках встречаются редкие случаи образования прилагательными форм множественного числа. Это происходит при их субстантивированном употреблении: *Վարմիրները գրոհեցին թշնամիներին*: – *Reds attacked enemies*. Поскольку подобные примеры единичны, образованием прилагательными форм множественного числа не может явиться типологической закономерностью армянского и английского языков.

Типологическое несоответствие наблюдается при сравнении форм множественного числа порядковых числительных русского языка с формами эквивалентных числительных армянского и английского языков, имеющих только форму единственного числа: *первый* – *первые; третий* – *третье, пятый* – *пятое; արագին, երկրորդ, հինգերորդ; (the) first, (the) second, (the) fifth*. Случаи образования форм множественного числа у порядковых числительных при их субстантивированном употреблении (*Հինգերորդը կանգնած էր իսկուկից*) нельзя считать типологической характеристикой ввиду нерегулярного использования этого явления в речи.

В рассматриваемых языках согласование в числе четко выражено в системе глагола, однако обнаруживает существенные типологические расхождения. Так, в системе русского глагола семы единичности/множественности сочетаются с семами лица и проявляются через соответствующие *постпозитивные флексии*, характерные для каждого лица в настоящем и будущем времени: *я читаю; мы читаем; ты читаешь; вы читаете; он (она) читает; они*

читают

Отметим, что данные флексии не отражают категории рода.

Семы единичности и множественности представлены в системе будущего времени двумя вариантами. Для синтетического будущего времени используются те же постпозитивные флексии, не отражающие категорию рода, сочетающиеся с семами лица, которые использовались и при образовании форм настоящего времени, однако в данном случае глагол несовершенного вида заменяется глаголом совершенного вида: *я прочитаю; мы прочитаем; ты прочитаешь; вы прочитаете; он (она) прочитает; они прочитают*

Для аналитической формы будущего времени те же постпозитивные флексии прибавляются к глаголу *быть*, при этом смысловой глагол представлен в инфинитиве, то есть никак не отражает сему единственного или множественного числа: *я буду читать; мы будем читать; ты будешь читать; вы будете читать; он (она) будет читать; они будут читать*.

Для прошедшего времени характерны две флексии: **-л/-ла** – для форм 1, 2 и 3 лица единственного числа, передающие, в отличие от предыдущего случая, сему рода, и **-ли** – для форм 1, 2 и 3 лица множественного числа: *я читал(а); мы читали; ты читал(а); вы читали; он (она) читал(а); они читали*.

Для возвратных глаголов характерны флексии: **-лся / -лось / -лась** для форм 1, 2 и 3 лица единственного числа, также передающие сему рода, и **-лись** – для форм 1, 2 и 3 лица множественного числа: *я причёсывался; мы причёсывались; ты причёсывался; вы причёсывались; он (она) причёсывался(лась); они причёсывались*.

Иная картина наблюдается в армянском языке, где сема единичности и множественности, тесно сочетаемая с семами лица, проявляется через вспомогательный глагол. При этом смысловой глагол представлен без изменений. Это объясняется аналитизмом в образовании всех временных форм армянского языка (за исключением времени *իմացի կիսկիրացի* /*прошедшее совершенное*), что является ярко выраженной типологической особенностью: *էս գրուի եմ; ևեւր գրուի եւր; դու գրուի ես; դուք գրուի եք; իս գրուի է; իրիւր գրուի են*

Сема множественности в системе английского глагола проявляется *частично*. Она также связана с семами лица. Так, для временной формы *Indefinite (Present)* указателем 3 лица единственного числа является флексия **-s**, прибавляемая к основе глагола. Ср.: *I speak – he speaks*. В системе временных форм *Continuous* показателем семы числа служат вспомогательные глаголы **am, is, are** для форм настоящего времени (*He is going. – They are going.*) и **was, were** для форм прошедшего времени (*I was reading. – We were reading.*). В системе временных форм *Perfect* показателем категории числа *только для 3 лица* служит вспомогательный глагол **have / has** (*She has written – They have written.*). Вышесказанное свидетельствует о неполном охвате категорией числа английских глагольных форм.

Согласование в числе в русском языке проявляется и в системе *местоимения*, что прослеживается во многих разрядах данной части речи. В разряде личных местоимений категория числа тесно переплетается с категорией лица, что наблюдается и в армянском, и в английском языках. Контрастной ценностью личных местоимений русского языка является теранраная оппозиция *местоимений 3 лица единственного числа (он, она, оно)*. В английском языке эквивалентные местоимения представлены бинарной оппозицией (**he, she**), являющими собой *бинарную оппозицию по признаку биологического пола*; типологической особенностью армянского языка, образующей зону интерференции, является одно местоимение 3 лица единственного числа (**իս**). В английском языке контрастной ценностью является местоимение 2 лица единственного числа **you**, имеющее грамматическую форму множественного числа, что проявляется прежде всего при его согласовании со вспомогательными глаголами множественного числа (*you are, you were*), а также при согласованиях: *you have* / вместо *has / a book. You write* / вместо *writes / a letter*.

Типологически различаются *указательные местоимения*, образующие в русском языке *бинарные оппозиции* по семантическому признаку **близости / дальности** (*этот – тот*), а также бинарные оппозиции по признаку **единичности / множественности** (*этот – эти, тот – те*). Идентичная картина бинарной оппозиции по признаку **близости / дальности** (*this – that*), а также по признаку **единичности / множественности** (*this – these, that – those*) наблюдается в

английском языке. Для армянского языка характерна *тернарная оппозиция* по семантическому признаку *близости / дальности* (*իւշ-ըիւ-իւի*), каждый их компонентов которой образует бинарные оппозиции по признаку *единичности / множественности* (*իւշ – ըրիշիք, ըիւ – ըրիշիք, իւի – իրիշիք*).

Определенные типологические сходства наблюдаются при сравнении бинарных оппозиций по признаку единичности / множественности в разряде *притяжательных местоимений* русского и английского языков.

Отметим, что типологически сходную картину являют собой притяжательные местоимения 3 лица, единственного числа, образующие в обоих языках *бинарные оппозиции* по биологическому признаку пола (*ego / ee – his / her*).

Контрастивной особенностью английского языка является *притяжательное местоимение 2 лица единственного числа*, имеющее форму множественного числа.

Что касается типологии разрядов местоимений армянского языка, то при отсутствии притяжательных местоимений, их функцию берут на себя личные местоимения в родительном падеже (ср.: *էս – իւ, ըս – ըս, իւի – իրիւ*), образующие бинарные оппозиции по признаку единичности / множественности: *էս – իւ, ըս – ըս, իւի – իրիւ*

Поскольку грамматическое число являет собой одно из проявлений более общей языковой категории количества, наряду с его лексическим проявлением, таким, как числительное или количественные обозначения в других частях речи, следует также рассмотреть вопрос типологии согласования существительного с числительным в русском, армянском и английском языках.

В английском языке, начиная с числительного *два*, все существительные (за небольшим исключением) согласуются с числительными только в форме множественного числа (*six boys, nine pens, eleven students*).

Типологической особенностью армянского языка является сочетание числительных с существительными только в единственном числе (*երեք գիրք, հինգ սեղան, յոթ վարդ*).

Контрастивной ценностью русского языка является особенность сочетания существительных с числительными *два, три, четыре* (а также со сложными и составными числительными, оканчивающимися на *два, три, четыре*) в форме родительного падежа единственного числа (*две ручки, два стола, три реферата, четыре игрушки, четыре друга, двадцать три школьника, пятьдесят два курсанта*). Начиная с числительного *пять* (а также сложных и составных числительных, оканчивающихся на *пять* и далее), существительное согласуется с данной частью речи в форме множественного числа родительного падежа (*пять ручек, шесть столов, семь рефератов, двадцать пять студентов, тридцать восемь учащихся*). Вышесказанное, естественно, обуславливает зону интерференции.

Итог. Таким образом, проведенное трилингвальное типологическое исследование дало возможность на научном уровне определить интерференционные и транспозиционные зоны, что послужит методической основой при организации интегрированных уроков армянского, русского и английского языков.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Саркисян, И. Р. (2004). “Внешнее” сопоставление языкового материала в аспекте проблемного обучения. Проблемы современной лингвистики и методики преподавания русского языка. *Материалы международной научной конференции, посвященной памяти академика В. В. Виноградова*. Ереван. с. 72-73.
- Саркисян, И. Р. (2007)а. Контрастивное описание языков в учебных целях. *Международная научная конференция, посвященная 70-летию русистики в Армении и 30-летию факультета русской филологии ЕГУ*. Ереван. с. 280-281.
- Саркисян, И. Р. (2007)б. Тенденции сближения методики обучения иностранным языкам с “Большой лингвистикой”. Русский язык в странах СНГ: современный статус и

перспективы развития. *Материалы III международной научно-методической конференции*. Ереван: РАУ, с. 141-142.

Щерба, Л. В. (1947). *Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики*. Москва-Ленинград.

Ярцева, В. Н. (1981). *Контрастивная грамматика*. Москва.

Ярцева, В. Н. (1988). *Методы сопоставительного изучения языков*. Москва.

Ярцева, В. Н. (1975). *Типология грамматических категорий*. Москва.

Di Pietro, R. J. (1971). *Language structures in contrast*. VII. Rowley, Mass.

Nickel, G. (1971). Contrastive linguistics and foreign language teaching. In *Papers in contrastive linguistics*. Ed. by Gerhard Nickel. II. Cambridge.

REFERENCES

Sarkisjan, I. R. (2004). “Vneshnee” сопоставление языкового материала в аспекте проблемного обучения [“External” comparison of language material in the aspect of problem-based learning]. *Problemy sovremennoj lingvistiki i metodiki prepodavaniya russkogo jazyka* [Problems of modern linguistics and methods of teaching the Russian language]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj pamjati akademika V. V. Vinogradova. Erevan* [Materials of the international scientific conference dedicated to the memory of Academician V. V. Vinogradov. Yerevan]. pp. 72-73.

Sarkisjan, I. R. (2007)a. Kontrastivnoe opisanie jazykov v uchebnyh celjah [Contrastive description of languages for educational purposes]. *Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, posvjashhennaja 70-letiju rusistiki v Armenii i 30-letiju fakul'teta russkoj filologii EGU* [International scientific conference dedicated to the 70th anniversary of Russian Studies in Armenia and the 30th anniversary of the Faculty of Russian Philology of YSU]. Yerevan. pp. 280-281.

Sarkisjan, I. R. (2007)b. Tendencii sbližhenija metodiki obuchenija inostrannym jazykam s “Bol'shoj lingvistikoj” [Trends in the convergence of foreign language teaching methods with “Big linguistics”]. *Russkij jazyk v stranah SNG: sovremennyj status i perspektivy razvitija* [Russian language in the CIS countries: current status and development prospects]. *Materialy III mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii* [Materials of the III International scientific and methodological conference]. Yerevan: RAU, pp. 141-142.

Shherba, L. V. (1947). *Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики* [Teaching foreign languages in secondary schools. General questions of methodology]. Moscow-Leningrad.

Jarceva, V. N. (1981). *Kontrastivnaja grammatika* [Contrastive grammar]. Moscow.

Jarceva, V. N. (1988). *Metody сопоставitel'nogo izuchenija jazykov* [Methods of comparative language learning]. Moscow.

Jarceva, V. N. (1975). *Tipologija grammatičeskikh kategorij* [Typology of grammatical categories]. Moscow.

Di Pietro, R. J. (1971). *Language structures in contrast*. VII. Rowley, Mass.

Nickel, G. (1971). Contrastive linguistics and foreign language teaching. In *Papers in contrastive linguistics*. Ed. by Gerhard Nickel. II. Cambridge.